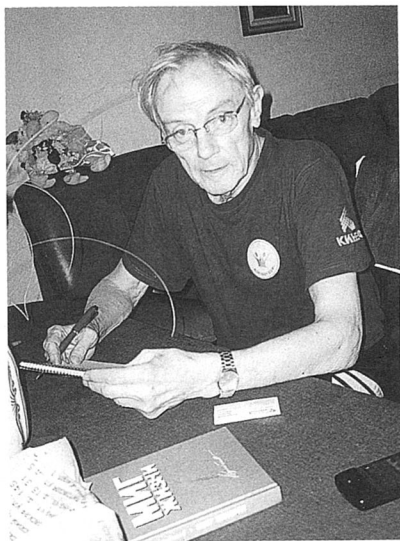

Наиболее известные ленты с его участием: «Мой ласковый и нежный зверь», «Стакан воды», «Колье Шарлотты», «Мастер и Маргарита», «Братья Карамазовы», «Живые и мёртвые», «Укрощение огня», «Бандитский Петербург» и другие

«Я ЕХАЛ ОСВОБОЖДАТЬ САХАЛИН...»

В КИНО И В ЖИЗНИ ЛАВРОВ БЫЛ НЕДЕЛИМ

«В конце августа 1945 года меня с такими же молодыми и необстрелянными бойцами перебросили пароходом из Николаевска-на-Амуре через Татарский пролив в сахалинский порт Маока, нынешний Холмск, — рассказывал мне Кирилл Юрьевич Лавров, спустя почти 60 лет после тех событий. — После учебки, пороха толком не нюхавший. Но очень хотел внести свою толику в большую победу Великой Отечественной. Освоил азы механика по самолету и двигателю, не стал дожидаться отправки в тыловой аэродром. А пошел в роту, которая должна была десантироваться на юг Сахалина. Поехал освобождать незнакомый остров».

На время прерву рассказ, пояснив, что свели меня, если можно так выразиться, с мега-звездой, народным артистом СССР, Героем Соцтруда, лауреатом Ленинской премии, кавалером орденов трех степеней «За заслуги перед Отечеством» журналистские тропы. Тогда среди десятков знаков признания упомянул он в разговоре еще об одной. Самой первой, полученной уже во время дальнейшей службы на Сахалине,

уже в городе Тохара (Южно-Сахалинск). И, может быть, особенно памятной. Речь о медали «За победу над Японией».

А созвониться и встретиться с Кириллом Лавровым довелось благодаря большой удаче. Бывшая коллега по газете «Советский Сахалин» Эльвира Дажунц переехала в Ленинград (Петербург). И некоторое время работала в местном издании «Комсомольской правды». Как-то за чаем обмолвилась, что познакомилась с Машей, дочерью Лаврова. Я попросил дать телефон и...

И так вышел на самого Кирилла Юрьевича. Созвонившись первый раз, был обрадован: он просто взял и пригласил меня в гости. Домой.

«ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ НЕ ПОБЕЖДЕНО АКТЕРСКИМ»

«Семь с лишним лет, что провел на Сахалине и Итурупе, укрепили меня изнутри. Научили почти безошибочно отличать ложь и фальши от правды. Последующая актерская доля не вытравила главного. Всегда, сняв грим, переодевшись, возвращаюсь к себе, Лаврову, каким стал на ваших – наших островах. Все благодаря армии и тамошним учителям, сильным людям, окружавшим меня в непростое время. То было военное, очень крепкое поколение. С годами понимаешь, мало кому удается возвращаться из пленительно-иллюзорного театрального мира, где перемешались нешуточные интриги и зажигательные аплодисменты. Где тебя могут сегодня утопить в море цветов и улыбок, аплодисментов, окропить слезами восторга, оглушить энергией признания. И уже на следующий день так же легко, забыв все, освистать. Поэтому каждый выход на сцену – первый. Никогда не знаешь, чем он закончится, триумфом или провалом. Провалить, растоптать, особенно если «в бой» вступает заказной критик, очень легко. Артист – вечный ребенок, которого ранить, что раз плюнуть.

– Не дай Бог вообразить себя «звездой»! – особенно с молодости. Потом и будешь в этом глупом амплуа «звездиться», вызывая у близких сочувствие, как к больному, у посторонних – злой смех и раздражение, – продолжал Кирилл Юрьевич. – Вот, как-то прочитал о себе: «В нем человеческое не было побеждено актерским». Если правда, значит, все не зря. Запомни: актерская профессия накладывает отпечаток. Кто всю жизнь прикидывается на сцене, не может от этого отказаться и в повседневной жизни. Все замешано на «я», моей душе, моей голове и внутренностях. Отсюда обостренное самолюбие.

– Я тоже заражен болезнью актерства, шестьдесят лет пребывания в этом любимом вертепе оказали влияние. Вся моя молодость, к счастью, прошла совсем в другом, не связанном с театром мире, поэтому, наде-

юсь, во многом лишен этого искусственного глянца. Был и есть в театре «белой вороной». Благодаря сахалинско-курильским урокам молодости, проходившим в казармах и землянках, мне легко оставаться самим собой, обычным человеком...

– Так вот, на чем мы остановились? А, на победном 45-м. Слушай дальше.

В 1943-м мне исполнилось семнадцать, уговорил военкома – отправили в Усть-Каменогорск, куда эвакуировалась Астраханская военно-авиационная школа техников. Проучился два года, а когда вышел из училища, Берлин уже был взят советскими войсками. Вместо дома поехал на Дальний Восток освобождать от японцев Сахалин. Но последние боевые дни Второй мировой оказались недолгими – когда прибыл на остров, японские военные не только отстреливались – часто массово сдавались в плен.

БРОСОК НА МАОКУ

Для разгрома японцев, колонизировавших остров, командование 16-й армией отрядило несколько кораблей Северной Тихоокеанской флотилии с десантом моряков и просто бойцов, как я. Вышли, если не изменяет память, из материковой гавани и – к Сахалину. В первый эшелон 16 августа я, новичок, не попал, хотя по молодости и глупости очень рвался под пули самураев. Туманным утром 16 августа при шторме в пять баллов меня не оказалось среди высадившегося десанта у Торо (нынешний Шахтерск) и с ходу подавившего огневое сопротивление противника. Был в другом отряде, ранним утром 20 августа взявшем курс на Маоку (Холмск). Туман и жесткая болтанка, многих воинов парализовала морская болезнь. А я легко держался. Эти первые объятия морской стихии убедили – совсем не зря моя сухопутная душа всегда рвалась в море. Что-то в нем было родное, мое.

Примерно в семь часов тридцать минут вошли в центральную гавань порта, застигнув японцев врасплох. Поэтому марш-бросок здесь прошел быстро, без потерь. У японцев на Сахалине не оказалось боевой авиации, поэтому сильно помогли десантным отрядам бомбардировщики Тихоокеанского флота. ПВО противника – зенитные пулеметы, их не доставала. Прикрывали нас с судов отряды огневой поддержки. Первая группа – семь сторожевых катеров. За ней несколько тральщиков, спасательное судно, буксир.

Действия на военном театре развивались стремительно. Все было рассчитано по минутам. Ранее, 17 августа, южнее порта Маока с подводной лодки удачно вышла разведгруппа, передавшая по радиации точное расположение вражеских огневых точек, систем ПВО. Это сильно помогло.

За первым броском штурмовиков-автоматчиков и батальона морской пехоты шла стрелковая часть. Подробности схватки поищи у других. По натуре я человек впечатлительный и абсолютно чужд жестокости. Но война есть война. И, взяв в руки оружие, присягнув, исполнял свой долг, наверно, правильно. Благодарю судьбу – уберегла от прямых схваток с врагом.

По мере продвижения наших сил в глубь города японцы очнулись, начали сопротивляться. Сотни погибших с обеих сторон. А к середине дня весь порт был уже нашим. Отдельные очаги боев еще некоторое время вспыхивали в разных частях города. К двум часам дня весь город был советским (около 600 японских воинов тогда сдались в плен).

Кирилл Лавров напомнил: 15 августа по радио звучал голос императора, утвердившего капитуляцию. И военные действия прекратились, но только между англо-американскими и японскими вооруженными силами! А на территории Южного Сахалина и Курильских островов, на Северо-Востоке Китая, в Корее японцы продолжали ожесточенно сопротивляться наступавшей Красной Армии. Японское правительство, таким образом, выигрывало время, в том числе и для вывоза ценностей с фактически потерянной южносахалинской колонии.

ТОЕХАРА В ОГНЕ

– Засиживаться на побережье не пришлось. Меня с группой других перебросили в административный центр Южного Сахалина – Тоехару. Запомнил неправдоподобно красивый путь в горах по узкоколейке, по которой мы добирались до места назначения. Такого буйства красок больше нигде не встречал.

Август уже сменил сентябрь. Вчерашняя японская столица на фоне яркой природы удручала. Внешне уютный, но серый японский городок с чередой бараков-фазенд из деревянного картона, которые постоянно горели то там, то тут, заволакивая небо черным дымом. До сих пор гадаю, как они за фанерой зимовали. И чередой сплошной – неработающие лавки, магазины. Испуганные, подавленные лица местных жителей, не ждущие ничего хорошего от новой власти. Передвигались многие на велосипедах, некоторые впрягались в подобие телеги двухколесной, типа арбы. И куда-то скорбно волокли пожитки. От этой картины и сейчас на душе скорбно. Очень редко на глаза попадались японские ребятишки – дети есть дети. Завидев их, вспоминаешь о мирной жизни и спешишь их чем-то угостить.

В Тоехаре узнал о трагедии на почтамте в Маоке. Когда девять девушек-телефонисток, накаченные местной пропагандой, покончили с собой, приняв цианистый калий. Жаль – мы вовсе не были зверьми, в

отличие от многих самураев, на захваченных ими землях. Насилия, издевательского отношения к местным жителям лично я не встретил ни разу. Напротив, при каждом удобном случае мы охотно делились с японцами, корейцами, которых завезли, как рабсилу, своими сухпайками.

РИСОВАЯ ВОДКА

— Отведал здесь рисовой японской водки — саке, — продолжает Лавров. — Жили за городом, в трофейной казарме в районе военного аэродрома, названного нашими Сокол. Там же был наш штаб армии. Кто-то из солдат сообщил — на разбомбленном заводе (сегодня на том месте в Южно-Сахалинске пивзавод «Колос», — авт.) сочатся из бездонных канистр «драгоценные ручьи». Мы, молодые, горячие, легкие на подъем! — быстро нашли попутку, погрузились и вперед «снимать пробу». Подставил и я свой походный котелок. Саке напиток мягкий, слабый, но коварный. И если не мелочиться, принять на грудь изрядно, ноги сами начинают заплетаться. (При этих словах Кирилла Юрьевича я невольно скосил глаза к стене залы, где примостился прозрачный бочонок виски приличных размеров).

А он, раскуривая очередную сигарету, продолжал:

— Стихийный солдатский «пир» оборвали быстро: меня с товарищами переправили для дальнейшей службы в поселок Буревестник, на остров Итуруп. Так я простился с Тоехарой.

БУРЕВЕСТНИК

— Настоящая армейская служба началась у меня в Буревестнике. До нас это место относилось к губернаторству Хоккайдо и называлось Тэн-нэй. Здесь прошли последующие пять с лишним лет моей молодости, о чем никогда не жалел. Там главные мои университеты (иных так никогда и не заканчивал). Из-за войны и полного-то среднего образования получить не успел. Но это негативно не отразилось на жизни.

Время будто застыло: никаких пароходов зимой, самолеты тоже не летали. Шесть месяцев в году мы жили оторванными от Большой земли. Суда заходили только летом и осенью. Авиация еще не знала радаров, и летать через Охотское море зимой наши боялись. Первые годы и опыта пилотам не хватало. Так что зимой наш авиаполк «летал» исключительно в учебных классах, врубая все свое воображение. Но расслабляться было нельзя — снега знатные, бывало, накрывали самолеты. Со временем из механика дорос до техника звена. Фактически занимал офицерскую должность и получал приличные деньги, оставаясь сержантом. Незадолго до демобилизации — уже старшина. В чем заключалось служ-

ба? Обслуживал три самолета Петлякова, Пе-2. Отвечал за мелкий ремонт – с помощью наждачной бумаги и тряпок боролся с ржавчиной, которая при тамошней влажности просто напасть! Периодически менял шасси, проверял исправность приборов. Заправка и смазка крылатых машин, всегдашняя готовность к бою. И прочая рутина.

Летом перебирались в уже упомянутый выше Сокол, где отводили душу на регулярных учениях. В это же время завозили на всю зиму провизию на Итуруп. Растягивали до следующей навигации консервы, сушеную картошку, лук, морковь, каши, макароны, немного сгущенки. Иногда удавалось разжиться свежей рыбой.

В общей сложности, включая училище, без малого восемь лет жизни отдал Советской Армии. Пять с лишним – летной части Буревестника.

Послушай теперь о моих буднях на Итурупе.

СОЛДАТСКИЕ 100 ГРАММОВ

– Солдатское будничное меню той поры – натуральные сухари из хорошего хлеба, они не цвели, не плесневели, как это наблюдаю сегодня. К сухарям полагались сушеная картошка, такой же лук и натуральная тушенка. Чтобы не было цинги, с весны собирали в округе черемшу, тут же и ели. Заготавливали ее впрок, на зиму. Благо, росла прямо за взлетно-посадочной, из металлических панелей, полосой. Ваша черемша помогла мне сбереечь зубы.

Некоторые офицеры со временем умудрились даже завести поросят – отходы в столовой, несмотря на скудное меню, были всегда. Таким образом, постепенно и свежее мясо разнообразило стол.

– А самоволки, тусовки, свидания? – уточняю.

– Да ничего подобного: в полку даже офицерских жен не наблюдалось. Это примерно через пару лет прислали поварих и официанток – и то в офицерскую столовую. Они и не смотрели в сторону нашего брата-солдата. Вокруг полно звездных погонов! Конечно, дефицит женской ласки-любви огромный. Но жили дружно. Такое братство послевоенных. Поколение крепких.

– От приступов хандры порой спасала водка, к обеду наливали каждому. Идет старшина эскадрильи вдоль столов, в одной руке держит котелок с «живой водой», в другой – мензурку мерную, из которой и плещет в железные солдатские кружки. Доза для молодых и сильных символическая – 100 граммов. Поэтому, понятное дело, установили две смены: сегодня одни свою пайку сливали товарищам, а завтра – наоборот. Получалось в самый раз, чтобы кому пооткровенничать, а кому и развернуть гармошку.

– Каких-то глупостей не помню, о таком явлении, как стариковщина, даже не слышал.

КАПЕЛЬ ЗЕМЛЯНКИ

— Первые два года подряд в Буревестнике жили в землянках — по двадцать-сорок человек. Каждая отапливалась двумя-тремя буржуйками, сделанными из металлических бочек. У них сушили и портянки, так что «аромат» был знатный. Но ничего, притерпелись. У печки, конечно, и сами грелись, курили. Что интересно, никто никогда не роптал на судьбу. После миллионов погибших в недавней войне чувствовали себя счастливыми. Хотя даже спали вповалку вдоль прохода, укрывшись плащ-палаткой от вечной капели, сочившейся сверху. К утру между нашими телами и в складках плащ-палаток были приличные лужи. Дневальный, он же кочегар, затем весь день просушивал помещение. И вечером все повторялось.

Может быть, сегодня это видится такой жутковатой экзотикой. Но никто серьезно не болел — такой мощный запас прочности был у нашего военного поколения! Понимали, как тяжело большой стране возрождаться. И довольствовались тем, что есть.

Единственный капитальный дом на весь мой 581-й полк — это доставшееся от японцев железобетонное здание, в котором размещался штаб (с полковым знаменем). Ни телевизора, ни интернета еще и в помине не было. С Большой землей связывало только радио, которое и слушали долгими вечерами с великим удовольствием.

Однажды словно током прошило: по радио услышал голос отца! Он, известный артист театра русской драмы имени Леси Украинки, передавал мне привет из советского Киева! Это счастливейший из дней службы, а тепло его голоса я растянул на годы.

ЗВЕЗДОЧКА-СПАСИТЕЛЬНИЦА

— Расскажу тебе и совсем уже мистическую историю. Когда от верной смерти спасла обычная солдатская звездочка, которую крепят на головной убор военные. Солдатский талисман на все времена.

Как-то на Итурупе некто решил мне череп проломить. Предыстория такая. В только что открывшемся магазине военторга не оказалось солдатских звездочек для пилотов и фуражек. Я написал маме в Ленинград (они с отцом давно были в разводе), чтобы выслала. И она постаралась — такую славную и большую прислала! Я тут же ею и украсил свою фуражку. Однажды иду ночью в землянку, а ветер валит с ног, шквальный ураган. Пришлось надвинуть фуражку на самые уши. Тут меня и свалил с ног чей-то подлый удар. В эту же секунду сознание отключилось.

Очнулся только утром в луже собственной крови. Кто и зачем хотел убить, кому и где дорогу перешел — так и осталось тайной. Зависть? Мечь? За что? Людям никогда не делал зла, даже мысленно не желал. Так

вот, самое главное – та материнская звездочка из металла чудесным образом и спасла мне жизнь. Только вмялась, впечаталась сильно в треснувший лоб, оставив след. Но не позволила тупому предмету войти в глубь головы. А иначе мы бы сейчас не беседовали. С тех пор храню эту покоренную спасительницу, как настоящий талисман. Как и свою шинель, погоны.

ПЕРВАЯ СЦЕНА

Это очень важный период жизни. Именно с Итурупа началась моя дорога на большую сцену. Никогда и нигде, повторю, не учился в актерских вузах – все постигал сам на ходу, в процессе. Рядом были большие мастера, которые с удовольствием мной занимались. Начиная с родного отца и затем Георгия Александровича Товстоногова.

Короче, актерская стезя моя берет начало именно с Итурупа. Мы с сослуживцами, молодые да пылкие, труда никогда не боялись. И первый построенный нашими же руками барак из бревен и досок объявили клубом! Ради него согласились пожить в сырых землянках дальше. Зато это место стало магнитом, отдушиной для всего полка. Поскрипывающая сцена барака – театральная мастерская. Мир перевоплощений пленял. Именно на этих армейских подмостках решил в дальнейшем служить Мельпомене. Редкая удача – ощутить свое предназначение.

Мои родители служили в театре давно. А я поначалу колебался, куда податься после службы. Спасибо Буревестнику – помог определиться. Руководил нашим самостоятельным драматическим коллективом Семен Монархов. Мы, солдаты, многое сумели сыграть – и «Русский вопрос» Константина Симонова, и «Славу» Виктора Гусева, и другие спектакли. Коллектив энтузиастов подобрался замечательный. И, мысленно переносясь сейчас на Итуруп, вижу тот наш театр почти профессиональным. Костюмы шили сами, как и декорации, все мастерили из подручных материалов.

Однажды получил первый и последний отпуск, чтобы съездить в Хабаровск. Там мне разрешили кое-что прикупить для наших постановок – некоторые костюмы, материалы. Виктор из тех, с кем свела меня судьба в Буревестнике, не пошел за мной после демобилизации. А одаренных ребят было много. К примеру, Юра Никулин, музыкант от Бога, к сожалению, рано умер. А другой талантливый сослуживец Юра Максимов в Ригу уехал. Приезжая, каждый раз дарит сборник своих новых стихов.

Сейчас пересматриваю фотографии тех лет и думаю, какая же там, на дальних наших островах, красота – ничего подобного я больше в России не встречал. Сопки и величественный вулкан, заросли лопухов в человеческий рост. И совершенно немыслимых размеров бабочки! Первое время ходил по острову зачарованный...

В части уговаривали остаться среди всего этого великолепия природы, окончить курсы повышения квалификации, получить офицерское звание. Но связать с армией всю последующую жизнь не захотел. Впереди, я говорил, уже маячила другая цель.

ХАРАКТЕР

— Отслужив срочную в Сахалинской области, вернулся на гражданку, приехал в Киев к отцу. И сразу попробовал работать в его театре. Взял во вспомогательный состав — но у молодого коммуниста, ты знаешь, не оказалось даже законченного среднего! Общественной нагрузкой, она в те годы была обязательной, для меня стала комсомольская организация театра. Все мы жили в единой дружной стране, и никто не собирался отделяться. Одна из актрис попросила у меня рекомендацию для вступления в КПСС. Конечно, написал. А потом вызывает на ковер директор театра товарищ Гондарь, зять самого Никиты Хрущева — первого секретаря ЦК и председателя Совмина СССР. И начинает распекают: мол, как так, не посоветовавшись со старшими, рекомендовал в партию... (ужас, ужас) еврейку!

До этого я с антисемитизмом никогда не сталкивался и просто остолбенел. Ответил — не понимаю. Морально убитый, вышел, хлопнув дверью. И тут же направился в райком партии, наивно надеясь найти поддержку у старших и заодно окоротить зарвавшегося администратора. Честно изложил причину и почему не могу больше работать с таким начальником... Теперь, спустя десятилетия, хорошо зная, что в этой жизни жаловаться некому, да и бесполезно, — все равно несправедливости на дух не переношу. А борясь с ней, в горячке, легко могу наделать глупостей.

Тогда меня еще несколько раз вызывали в партийные инстанции, просили забрать заявление. Уперся на своем. Знал: союзник у меня один — правота. В театре оставаться было нельзя — администратор загрызет, жизни не будет, не то что ролей. Спас от полного краха художественный руководитель Константин Хохлов — вдруг снялся с насиженного места и переехал в Ленинград, позвав меня следом в Большой драматический.

Так вернулся в родной Ленинград, где жила мама.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Однажды, верю, и на Итурупе будет свой драмтеатр. Обязательно будет. Пусть даже просто народный. И он станет носить имя Кирилла Лаврова. А кого же еще?

Так он вернется уже навсегда.

*Кадр из фильма «Живые и мёртвые»,
1963 г., в роли главных героев –
Кирилл Лавров (слева)
и Анатолий Папанов*

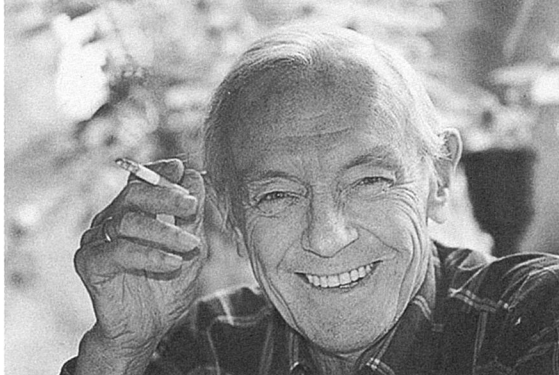
*Военный механик по самолёту
и двигателю Кирилл Лавров, 1945 г.*

*Примерно такой самолет, как этот бомбардировщик ПЕ-2,
обслуживал на Итурупе и авиатехник Кирилл Лавров*

Солдатская звездочка, спасшая Кириллу Лаврову жизнь

А курить Кирилл Юрьевич Лавров, кажется, так никогда и не бросил...

Два друга, два Героя Соцтруда, два народных артиста СССР – Михаил Ульянов (слева) и Кирилл Лавров

Кадр из кинофильма «Максим Перепелица», 1955 год. Кирилл Лавров в роли армейского фотокорреспондента

Так в 1977 году выглядел легендарный военный посёлок Буревестник о. Итуруп, однажды давший Кириллу Лаврову путёвку на большую сцену и широкий экран